

The illustration depicts a man and a woman in a rustic, sunlit room. The man, on the left, has long, wavy brown hair and is wearing a tan leather vest over a light-colored shirt. He stands with his arms crossed, looking towards the viewer. The woman, on the right, has long, curly blonde hair and is wearing a light blue dress with a lace collar and brown overalls. She is seated at a wooden table, smiling gently while holding a small, white, fluffy kitten. On the table are several large balls of yarn in various shades of brown and tan. In the background, a large window with multiple panes looks out onto a bright, sunny day. A small white bird is perched on the windowsill, and another bird is visible in flight outside. The overall atmosphere is warm and cozy, with soft lighting and a focus on the characters and their surroundings.

Алена
Ягинская

(Не)нужная наследница

или **ХОЗЯЙКА**
волшебных овец

НЕЖДАНОЕ НАСЛЕДСТВО

Алена Ягинская

Ненужная наследница, или Хозяйка волшебных овец

<https://litres.ru/74238499>

Аннотация

Хотела вывести мошенников на чистую воду, а оказалась в другом мире с наследством. Теперь у меня старое запущенное хозяйство с долгами и... овцами.

Мне дали год, чтобы возродить семейное дело, но у нынешних владельцев фермы совершенно другие планы и признавать меня хозяйкой они не спешат. Смогу ли я отстоять себя и наследство, или и в этом мире меня будут считать безответной “овцой”? *** Вас ждет: ♥#Уютная история ♥#Бытовое фэнтези ♥#Добрая наивная героиня

Книга пишется в рамках литмоба "Нежданное наследство"

Книга входит в цикл, но читается отдельно от других историй.

Содержание

Глава 1.	4
Немного красок	10
Глава 2. Нотариус?	11
Глава 3. Уполномоченный по переселению душ	19
Глава 4. Наследница, понимаешь!	25
Глава 5. Первые знакомства	32
Глава 6. Я - Хозяйка!	38
Глава 7. Пастушка и ...	47
Глава 8. Первый скандал	58
Глава 9. У селян свои аргументы	65
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Глава 1.

— Что ты говоришь, девчонка? Наследница, значит? Да кому ты тут нужна?! — шипела старуха во главе стола. — Без тебя прекрасно жили и еще проживем. Явилась, не запылилась!

Она с такой силой швырнула ложку на стол, что та, ударившись о край тарелки, со звоном опрокинула ее. Горячая картошка рассыпалась по скатерти. Старуха разразилась потоком проклятий в мой адрес.

А я всего лишь спросила, как они довели свое хозяйство до такого состояния. Я правда хотела разобраться. Ведь теперь это все МОЕ. Но радость от этого не светила ни в чьих глазах, особенно в глазах Греты Гардус, бывшей хозяйки, которая сидела напротив, глядя на меня с ненавистью и презрением.

Весь ужин она стенала и причитала, будто я принесла в их дом несчастье, словно я была чумой, разгуливающей по деревне. Но любому, даже самому ангельскому терпению приходит конец.

— Вы уж точно не нуждаетесь во мне, — сказала я, отодвигая тарелку. — Хотя напомним, это вы меня искали. Благодарю за ужин, но теперь я покину вас.

Остаться в этом доме было выше моих сил, поэтому я отправилась в сарай к овцам, которые теперь были моими.

Их бление, словно тихий плач, эхом разносилось по округе. Я прошла по узким проходам между перегородками, села в уголке на старый тук сена и обняла колени, пытаюсь согреться. Ну что, Женька, довольна своим наследством?

Овцы тихо бляли, ягнята жалобно скулили, а воздух вокруг был пропитан запахом навоза и сена. Все это так напоминало дом моей бабушки, что тоска сдавила грудь, словно тяжелый камень. Я всхлипнула и вытерла слезы рукавом старого платья, чувствуя себя униженной и беспомощной. Позорище! Хотя какое наследство — такая и хозяйка.

Докатилась.

Мама всегда говорила, что встречают по одежке, и с детства наряжала меня как куклу — в рюши и бантики, словно я была фарфоровой статуэткой, которую можно выставить на витрину. А сейчас я выглядела, как Золушка-замарашка, только без малейшего шанса встретить своего принца. Хотя, может, и к лучшему. Хватит с меня одного фарса, из-за которого я в конце-концов оказалась тут.

Я погладила ягнёнка, который пролез под полусгнившим заграждением, подошел и ткнулся в меня своей мягкой и тёплой мордочкой, и прижала его к себе. Я чувствовала, как его маленькое сердце бьётся в унисон с моим.

— Чего ты, малыш? Тоже тепла хочется? Или на мамку обиделся? На родителей нельзя обижаться, малыш, они нам добра желают, — говорила, машинально глядя теплое и доверчивое тельце, — шептала я, машинально глядя его теп-

лое, доверчивое тельце, которое пахло молоком и травой. — А может, это сон? И все по-прежнему?

Вопрос был риторическим, и я это понимала. Никакого сна не было. Просто по своей глупости и наивности я согласилась принять наследство, которое оказалось старой полуразрушенной фермой в другом мире.

А дело было так...

— А когда возвращается твоя овца? Ты здесь неплохо устроился, мне нравится. Совсем не хочется снова встречаться тайком в общежитии, — женский голос донесся из ванной. — Всегда хотела заняться с тобой этим в джакузи.

Я остановилась, узнав интонации первой красотки потока Леночки Палевиной. Ее звонкий, мелодичный голос звучал так близко, что я могла представить, как она улыбается и играет своими длинными волосами. Не понимаю, что она делает в нашей квартире? Неужели она здесь с Никитой? Нет-нет, мой парень никогда бы...

— Не знаю, скоро, наверное. У Женьки бабка на днях померла, вряд ли она дальше в той дыре сидеть будет. Так что губу не раскатывай, я и сегодня тебя сюда тащить не хотел. Женьке квартиру отец оплачивает, не хватало, чтоб ему соседи настучали, что я посторонних вожу, — отозвался знакомый голос.

Я почувствовала, как земля уходит из-под ног. Никита,

сын знакомых отца, приехал в столицу учиться и оказался со мной в одной группе. Мы встречались, планировали пожениться. Но заболела моя бабушка, и я уехала к ней.

А теперь Никита и Леночка в ванной? Вместе? Как он мог? Он же говорил, что любит меня, клялся, что будет ждать, пока я ухаживаю за бабушкой.

Увы, болезнь оказалась сильнее. Несмотря на все усилия, мы выиграли чуть больше полугода. Похороны были сегодня, а после них родители сообщили, что они разводятся.

Отец и мама по очереди отвели меня в сторону и сказали, что я уже достаточно взрослая, чтобы жить отдельно и что должна понять, что так бывает. Отец признался, что у него другая семья и когда-нибудь он меня непременно с ней познакомит. Но не сейчас. Он не хочет, чтобы там думали, что его старшая дочь значит для него больше, чем сын. Поэтому он больше не будет оплачивать мне квартиру.

А мать сказала, что ждет ребенка и дала понять, что в ее новой семье мне тоже нет места.

— Женечка, ты замечательная девочка, но так ты никогда не научишься самостоятельности. Мы с отцом тебя слишком опекали. Тебе давно пора повзрослеть. Тем более, что ты собираешься создать свою семью, — говорила мама. — Не обижайся, ангел мой, но помимо твоих игрушек, есть множество других занятий, подходящих молодой девушке.

Отец маму поддержал, после чего в качестве жеста доброй воли вызвал и оплатил мне такси, которое должно было

увезти меня в новую самостоятельную жизнь.

И вот я дома. Надеюсь найти поддержку у Никиты, но вместо этого стою и слушаю разговор под приоткрытой дверью.

— Ники-и-ит, — тянет Леночка, ее голос звучит сладко, как мед, — ну бросай свою овцу, зачем она тебе? Скучная скромница, из которой и слова не вытянешь. Уедем вместе в Питер, там мой брат, он поможет нам устроиться.

Никита хмыкнул под плеск воды:

— Который у тебя курьером работает? Он поможет, да. У Женьки родки при деньгах и положении, и с дочки своей пылинки сдувают. Так что извини, Лен, ничего личного. На Женьке я женюсь, как она вернется, это дело решенное. А ты жди приглашение на свадьбу. Она что-то там выбирала уже.

Действительно выбирала. Хотелось, чтобы это было что-то особенное, не как у всех. Возможно, что-то загадочное и мистическое, чтобы сразу и не понять, что это приглашение на бракосочетание. Что-то похожее на то, что передала мне вахтерша.

Невольно перевела взгляд на конверт.

Необычный. Нет ни марок, ни штемпеля. Плотная бумага, вензеля, витиеватыми буквами выведен адрес. Написано, что от нотариуса.

Про бабулю что ли? Бесшумно отступила к двери, чувствуя, как сердце сжимается от боли. Дрожащими руками достала лист бумаги и пробежала его глазами.

“Госпожа Овечкина Евгения Николаевна! Приглашаю вас в офис по адресу... обсудить вопрос получения наследства. Дело крайне важное, прошу явиться незамедлительно. Время работы... С уважением, поверенный в нотариальных делах, Дилмах Кидревич...” И крайне неразборчивая подпись.

И это не было напечатано на принтере, а написано красивым, немного вычурным почерком. Я глянула на время, на адрес. Мысли путались, как в калейдоскопе, но я твердо решила: надо ехать к нотариусу. Даже если это шутка, то сейчас это будет наименьшим из моих бед.

Добрый день, дорогие мои! Приветствую вас в новой истории про хозяйку волшебных овечек литмоба “Нежданное наследство” литмоб_нежданное_наследство

<https://litnet.com/shrt/gDIV>

Немного красок

Ну и традиционно, представляю героев:

Женя Овечкина, 19 лет, любимая доченька обеспеченных родителей. Милая, добрая и доверчивая поборница справедливости.

Грета Гардус, строгая и властная бывшая хозяйка фермы, которая не желает видеть в Дженни наследницу.

А вот и наследство! Овечья ферма, доставшаяся Жене-Дженни

Глава 2. Нотариус?

— Наследство? В другом мире? — в который раз я брала в руки крохотную чашечку, но так и не сделал ни глотка, потому что меня захлестывало возмущение.

Я ожидала, что приглашение к нотариусу, написанное от руки на крафтовой бумаге — шутка, но что настолько дурацкая, даже предположить не могла.

Мужчина, который представился поверенным в нотариальных делах, внимательно смотрел на меня поверх очков, сохраняя невозмутимый и серьезный вид. Он выглядел как человек из другого времени: солидный, в дорогом деловом костюме с жилеткой в клетку, шейном платке и очках с черепаховой оправой. Его присутствие только усиливало ощущение абсурда происходящего.

— Да, — ответил он, не отводя взгляда. — И я настоятельно рекомендую вам туда отправиться и принять его.

— Прямо сейчас? — я поставила чашку на место и сжала подол юбки, пытаясь успокоить нервную дрожь. — А как же вещи, деньги? Сколько я должна вам за проезд в безбедную жизнь?

Я ждала, что у меня попросят денег, это было логичней всего. Меня считали наивной и доверчивой, и я часто становилась жертвой подобных афер. То приглашали поучаствовать в благотворительности, то предлагали вложиться в со-

мнительные проекты, то просто просили занять деньги и не спешили их возвращать. Я не могла просто так отказать, и это делало меня легкой добычей для мошенников.

Но этот случай был каким-то слишком изощренным. Кабинет был обставлен с особым вкусом: дорогая мебель, винтажный декор, секретарь в стиле начала прошлого века. Даже хронометр на стене со множеством циферблатов выглядел как деталь из другого времени. Все это создавало ощущение, что я попала в какой-то странный и тщательно продуманный спектакль. И это напрягало вдвойне.

— Желательно отправиться прямо сейчас, — сказал мужчина. — Вещи брать не стоит, деньги и телефон тоже, они вам не пригодятся. Возьмите лучше украшения. Еще вам надо будет переодеться, мы подобрали все необходимое.

Ага, значит, украшения им нужны. Видимо знают, что отец карту заблокировал. А на той, что я сама себе открывала, и куда деньги за игрушки переводили, которые я из шерсти валяла, пока у бабушки жила, почти ничего нет. Я потратилась, накануне много разного для работы заказала. А теперь таскаюсь со всем этим добром, нет, чтоб дома вещи оставить...

— А можно я с собой наборы шерсти возьму, больше у меня ничего нет? — спросила невинно, выкладывая из сумки свои “богатства”.

Этот странный цирк стал порядком утомлять. Зачем я вообще сюда поехала? Мне ночевать негде. В квартиру, где

Никита развлекался с Леночкой, возвращаться не хотелось. Они ведь наверняка не только в ванной и джакузи были, но и кровать не обошли вниманием. А может, и сейчас там. Но позвонить и попросить их уйти у меня не хватило духу.

— Конечно! — обрадовался тот, кто назвался Дилмах Кидревич. — Так будет даже лучше. Значит, я отправляю вас?

— Каким образом? Такси вызовите? Или у вас специальный автобус есть для попавших в беду волшебников? А может, по реке сплавляться будем? — устало спросила я, чувствуя, как горький ком подступает к горлу. Как же так случилось, что я осталась совсем одна?

Подумала, что к родителям тоже не хочу, раз они готовы вычеркнуть меня из своей жизни. И пусть с моей стороны это выглядело жалко и по-детски, а мама с папой правы, что мне пора повзрослеть, но сердце все еще протестовало и таило в себе обиду.

— Какой реке? Где вы тут реку видите? — вторгся в мои мысли якобы нотариус.

— По Стиксу, наверное, — ответила я, вспомнив мрачные легенды о реке душ. — Вы же душу мою требуете. Сейчас убьете меня, и душу заберете. Но учтите, денег у меня нет, а искать меня все равно будут.

Я решительно распахнула сумку, с которой вернулась из деревни. Не могут мама с папой от меня отказаться. Зря я сюда приехала. Сейчас поеду к ним и все расскажу!

Я собиралась убрать обратно шерсть и красители, которые зачем-то достала, и вдруг я заметила шкатулку с украшениями. Ту самую, что хранилась в доме родителей.

С собой я ее не брала, значит, мне ее подложили. Кто и зачем? Как этот "нотариус" узнал об этом? Я посмотрела на него внимательнее, пытаясь разгадать его игру. Такой приятный мужчина и все-таки мошенник, досадно.

— Что вы такое говорите, госпожа Овечкина! — Дилмах Кидревич с укором покачал головой. Хорош артист. — Если бы вы умерли, то тогда меня бы не привлекали, господин Уполномоченный по переселению душ сам бы справился. Но поскольку вы живы, то мне надо получить ваше согласие и заверить его, как полагается.

— На наследство в другом мире? — снова спросила я, понимая, что злюсь.

— Да, — согласился якобы поверенный.

Я поняла, что разговор пошел по кругу, и не выдержала:

— Хорошо, давайте сюда ваши бумаги. Надеюсь их не кровью надо подписывать?

Все, надоело! Сейчас и узнаю, чего от меня хотят на самом деле. Денег у меня нет, а понять, откуда мошенники узнали про украшения, надо. Вряд ли это шутка родителей, а вот то, что за ними и их домом следят, возможно. Они люди не бедные, с влиянием и положением, так что мало ли кто и что против них затеял. Но я выведу мошенников на чистую воду!

Я требовательно протянула руку, чтобы взять бумаги. Но-

тариус с готовностью мне их дал.

Самое удивительное, что мошенники действительно подготовили документы, по которым мне якобы отходила какая-то ферма со всем ее имуществом и скотом. Опись была составлена с такой тщательностью, что казалось, будто это не шутка, а реальная сделка. Я искала приписки мелким почерком, смотрела листы бумаги на просвет, даже потерла пальцами чернила, которые реально оказались чернилами и стали растекаться, когда я принялась их слюнявить.

— Госпожа Овечкина, — укоризненно покачал головой господин Кидревич, глядя на мои манипуляции. Голос его при этом был полон иронии. — Мы же с вами цивилизованные люди, в век Просвещения живем, — сказал он и протянул мне... гусиное перо.

Я была уверена, что у меня попросят денег. Как вариант, запрут и напишут моим родителям с требованием выкупа.

Меня даже не смутило то, что когда я поставила свою подпись на документе, она вспыхнула. Наоборот, я обрадовалась — это объясняло и наличие гусиного пера. Значит, туда залили какой-то химический состав, который при взаимодействии с воздухом дает такие спецэффекты.

Единственное, чего я не могла понять — зачем все это?

Я ждала подвоха, а между делом переоделась в платье, которое принесла мне секретарь господина Кидревича, и поз-

волила осмотреть мои вещи. Полагала, что их заинтересует шкатулка, там, насколько я помнила, хранились золотые украшения, которые отец покупал маме по поводу и без. Но ради них затевать такой глобальный спектакль глупо. Значит, расчет на что-то еще.

Секретарь принялась перекладывать мои вещи, в том числе и шкатулку в другую сумку, в которой лежала какая-то одежда, а мужчина подошел к невзрачной двери в углу кабинета и начал рисовать на ней разные символы.

Не иначе, как хотел произвести впечатление или тянул время, потому что разными знаками он практически испещрил косяки и все полотно двери. Я же, пока ждала, когда он закончит, задремала в кресле, устав от событий этого дня. Даже сон увидела, что я дома с родителями, а с бабушкой все в порядке, она улыбается и помогает мне перебирать мотки шерсти.

Вдруг меня разбудили и сказали, что пора идти. Я посмотрела в окно и увидела, что уже наступила ночь. Я поняла, что мне придется снимать номер в гостинице, и попросила вернуть мой телефон, который у меня забрали, сказав, что в другом мире он бесполезен.

Отдавать его мне отказались. Аргументировали, что он нужен, чтоб присылать моим родным сообщения и выкладывать посты в соц сетях.

Поинтересовалась, как они собираются это делать в мое отсутствие, на что мне заявили, что магия может все.

Ну-ну, знаем мы эту магию. ИИ называется, она и фотки сгенерирует, и голос подделает так, что от настоящего не отличишь, и всем знакомым от моего имени сообщения разошлет, что я без денежного перевода никак не обойдусь. Поэтому телефон в руках мошенников оставлять никак нельзя. Решила, что комедию пора заканчивать, и потребовала сказать, что в конце концов мошенникам от меня нужно. Сказала, что меня будут искать, и пригрозила, что обращусь в полицию, потому что адрес я запомнила. Нотариус с подельницей переглянулись, потом взяли меня под руки и силой вывели через расписанную символами дверь.

И на нее они тоже нанесли химический состав для свечения, потому что она, когда мы проходили через нее, вспыхнула.

Я хотела закричать и позвать на помощь, но слова застряли у меня в горле. И я оказалась где-то, но не здесь.

То есть не в своем городе.

И не у бабушки в деревне.

И на улице почему-то была не ночь.

И слякоть и остатки сугробов исчезли.

Я могла найти еще множество этих “и”, но не стала. Вырвалась, заскочила обратно в дверь и захлопнула ее за собой. Мне надо было забрать телефон и позвонить в полицию.

Только это уже не был офис нотариуса. Это была другая контора.

— Госпожа Овечкина? — спросила миловидная девушка

на ресепшене. — Проходите, господин Кронс, особый Уполномоченный по переселению душ, ждет вас.

Она широко улыбнулась и распахнула передо мной высокую двустворчатую дверь, отделанную инкрустацией.

Я несмело шагнула внутрь, чувствуя, как сердце сжимается от страха.

Возникли подозрения, что я уснула в конторе нотариуса и больше не проснусь.

Глава 3. Уполномоченный по переселению душ

Дальше я окончательно перестала понимать, что происходит.

В шикарном кабинете, стилизованном под старину, развалившись в кресле с резными подлокотниками, сидел мужчина. Его волосы небрежно падали на лоб, а глаза были устремлены на маятник Ньютона, который он крутил с самым серьезным видом, будто от этого зависела судьба мира.

Знаете, такие игрушки, когда несколько окружностей вращаются в разные стороны, или шарики, которые стучат друг по другу, их любят держать на столах в офисах. Не знаю, снимают ли они стресс, но выглядят привлекательно.

Вот одна из таких штук была в руке мужчины, и когда я вошла, он поставил маятник на стол и поднял на меня взгляд. Некоторое время мужчина молча меня разглядывал, а потом изрек:

— Госпожа Овечкина, вы дали согласие принять наследство, а потому отправляетесь к месту его нахождения. Напомню, что по условиям договора о вступлении в права вы не можете отказаться от него в течение года. То есть ни продать, ни обменять, ни еще каким ли образом произвести отчуждение вашего имущества в чью-либо собственность.

Господин (как его там назвали, “уполномоченный по переселению душ”? Что за ерунда вообще такая?) серьезно смотрел на меня, а я стояла и молчала, не зная, что сказать. Леночка Палевина была права, я не очень разговорчива, особенно в таких ситуациях, когда не знаю, как себя вести. Но мужчина тоже не спешил, и это молчание затягивалось.

Я осторожно кивнула, и он продолжил:

— Если за этот срок вы сумеете добиться значительного прогресса в делах, то в качестве поощрения получите исполнение желания. Это обычно полагается только призванным душам, но я подумал, что у вас тоже должен быть стимул. Поэтому обговорим это сразу. Итак, ваше желание, душа?

Ага, я поняла. Тут два варианта — либо меня опоили, либо убили. Вот так и ведись на странные письма, приглашающие за наследством! Нет, ну знала же, что это развод, зачем поехала?

“Да просто не могла в квартире оставаться”, — ответила себе.

Логика твердила одно, а вот ощущения — совсем другое. Слишком все выглядело реальным и детализированным. Я на всякий случай даже ощупала себя, вдруг я уже бесплотный дух? Но нет, все было как обычно, во сне так не бывает. Значит, меня одурманили и розыгрыш продолжается?

Я посмотрела на мужчину, пытаюсь понять, шутит он или нет. Его лицо оставалось серьезным, а глаза — холодными и спокойными. Я сглотнула и ответила:

— Любое желание? — уточнила я.

— Все, что в моих силах, — кивнул он, и в его голосе послышалась легкая насмешка.

Ага, знаю я этот прикол. Скажу, звезду с неба достать, он мне и небо нарисует, и звездочку на нем, потом вырежет и скажет — получите, распишитесь. Знаю, проходили. Говорю же, мошенники меня особенно любят. Мама и отец правы, слишком сильно они меня опекали, и я выросла слишком застенчивой и нерешительной. Даже парня своего с любовницей из квартиры выставить не сумела. Да впрочем, что об этом, прошлого все равно не вернуть. Я сжала кулаки и спросила:

— Бабушку мне вернете?

Знала, что нет, просто не сдержалась. Я ее очень любила, пожалуй даже больше, чем родителей. Потому и уехала к ней, когда узнала, какой диагноз ей поставили. Понимала, что ненадолго, но все равно надеялась. И все у нас хорошо было, а потом в один миг она сгорела.

Врачи сказали, что так бывает — временное улучшение, когда организм все силы на борьбу бросает, а потом они заканчиваются и конец. Но я не могла смириться с этой мыслью.

— Видишь ли, Евгения, я не то, что не могу вернуть тебе родного человека, душа ведь бессмертна. Более того, я предполагал, что ты попросишь именно этого, поэтому сразу, как душа Нины Александровны покинула тело, призвал ее сюда.

Но тут она в другом воплощении. Я готов организовать вашу встречу, но это будет не привычный тебе образ. Устроит такой вариант?

В тот момент мне просто очень-очень хотелось верить, что это возможно. И я сказала “да”.

Я рассуждала так: если я все-таки умерла, то терять мне уже нечего. Если я в каком-то странном трансе и от меня что-то требуют мошенники, то надо держаться до последнего, пока меня не спасут. Но вдруг есть крошечный шанс, что все, что происходит, — правда? Что существуют другие миры, и что мы не умираем навсегда, а наша душа просто переходит куда-то? И я решила, что именно в это я и буду верить — что мне досталось наследство в другом мире и что там я могу встретить бабушку. Потому что чудеса случаются, но только если ты в них веришь.

Какое-то время мы говорили и обсуждали условия. Терри Кронс подчеркнул, что я не должна отказываться от наследства, потому что оно важно для некоего мирового баланса.

— Понимаешь, Евгения, мир Валиссмарг уникален тем, что в нем развиваются технологии и магия. Наша задача — следить, чтобы одно не задавило другое. Чтобы мир не застрял в вашем земном средневековье, но чтобы и технический прогресс не уничтожил магическую составляющую, — объяснял мне мужчина под организованный его секретарем на столике в углу легкий ужин.

Его ароматы витали в воздухе, но я не чувствовала вкуса,

происходящее казалось мне слишком невероятным, чтобы быть правдой.

Именно в этот момент я окончательно отпустила ситуацию. Дома я не знала, как мне быть и куда двигаться дальше, а в новом мире я не только смогу начать все заново, но и встретиться с дорогим мне человеком. Правда для этого надо за год поднять семейную ферму.

Откуда вдруг она взялась, тоже объясни Тэрри Кронс, когда давал вводные инструкции:

— Ты отправишься на континент Кливанд, именно там твое хозяйство, ферма семьи Овеласс. Эту фамилию тебе и придется носить, и имя лучше взять более привычное для местного звучания. Сейчас там другие хозяева. Твоя бабушка покинула семейное гнездо, уступив право пользования нынешним хозяевам. Мы же заинтересованы в том, чтобы ферма оказалась в руках ее настоящих хозяев. Не буду вдаваться в детали, но это связано с именно с сохранением магического и технологического баланса. Поэтому ты должна возродить семейное дело и времени тебе на это — год.

После этого мы подписали бумаги, потом господин Кронс сказал, что мне надо немного поспать, а он в это время постарается передать мне информацию о мире, куда я отправляюсь, а еще знание языка, ведь без этого никуда. Уложил меня на диванчик в кабинете, укрыл покрывалом, поставил передо мной на журнальный столик маятник Ньютона и запустил его. И я провалилась в сон.

А утром бодрый и счастливый явился господин Кидревич и вызвался проводить меня и показать наследство. Ну и представить всем заинтересованным лицам.

И тогда я первый раз пожалела, что поддалась эмоциям и согласилась на эту во всех отношениях сомнительную сделку.

Вот мы и выяснили, куда и с какой целью отправилась Евгения. Получится ли у нее начать новую жизнь, или ее мягкий и добрый нрав и тут сослужит плохую службу? Скоро узнаете!

Рада видеть вас в новой истории!

Добавляйте книгу в библиотеку, чтобы следить за обновлениями!

Глава 4. Наследница, понимаешь!

— Это что? — спросила я вполне довольного нотариуса, который вызвался сопроводить меня до места.

Это действительно была ферма. Но...

Конюшни с облупившейся краской, сараи, покосившиеся от времени, загоны для животных, обветшалые и заброшенные. Большой жилой дом, угловатый и с мезонином, выглядел так, будто он видел уже многое. К нему вела дорожка, заросшая травой, и несколько других строений, которые выглядели не лучше.

Овцы тоже были, милые и пушистые. Они задумчиво бродили где вздумается и щипали травку, предоставленные сами себе.

А я стояла с саквояжем, которым меня снабдили в конторе, и отказывалась верить увиденному.

Ферма была большой, но старой и запущенной. Некоторые сараи покосились, на некоторых не было дверей и окон, где-то обвалилась крыша, где-то развалилось крыльцо.

В более-менее приличном виде был хозяйский дом в форме буквы “Г” в два этажа с мезонином, к которому мы с нотариусом и направились, и еще пара строений.

Туда мы и направились. Но как только мы подошли к двери, она распахнулась, и на пороге появилась немолодая жен-

щина в длинном темном платье. Ее холодный и неприветливый взгляд демонстрировал неприязнь.

— А, нашли все-таки, — сказала она, узнав нотариуса и с головы до ног оглядев меня. — Так не надо уже, тут рельсовую дорогу прокладывать собираются пройдет, землю заберут, а ферму снесут. Так что новая хозяйка нам без надобности.

Она сделала жест, словно говоря: «Идите отсюда».

— Увы, госпожа Грета, так не пойдет. Вы заказ сделали, он выполнен, извольте рассчитаться, — возразил нотариус. Его голос был твердым, но спокойным. — Наследницу нашли, так что принимайте новую хозяйку угодий. Знакомьтесь, это Дженни Овеласс.

— Так откуда я знаю, что это она, — стояла на своем женщина, не собираясь пускать нас в дом.

Я замерла, не зная, что ответить. С одной стороны, я была не против уйти. Всё происходящее казалось странным и пугающим. Какая из меня фермерша, да еще и в другом мире?

Да, я жила у бабушки под Калугой, и десяток овец в хозяйстве у нее имелись, как и прочая живность. Хотя сейчас скотину уже никто не держит, но бабушка всегда тянулась к овечкам, и они у нее были на зависть и загляденье всем, хоть сейчас на выставку. К ней даже специально разные блогеры и журналисты приезжали на фотосессии, у бабули все хозяйство как с картинки было.

Я думала, тут также. А оказалось иначе. Грязь, разруха

и люди, которые нам не рады. Хотелось упереться ногами и руками в зеленую травку и умолять вернуть меня обратно.

Но с другой стороны, а что, если я действительно встречу здесь свою бабушку? Разве этот шанс не стоит того, чтобы попытаться?

К тому же — что меня держит на Земле? У родителей свои хлопоты, им не до меня, да это и правильно. Жениха, считай, уже нет, подруг никогда и не было, в институте я академ взяла. А тут всего год надо прожить. Может, за это время что-то изменится. Братик родится или сестренка... Я бы помогать стала, всегда ведь хотела кого-нибудь, а родители против были. Так что решено, остаюсь.

— Документы в порядке, я лично проверил, Дженни Овеласс — наследница. Да вы взгляните сами — у кого на Кливанде еще такие волосы были? — сказал нотариус, вытаскивая из саквояжа бумаги.

Женщина не постеснялась оглядеть меня придиричиво, как лошадь на рынке. Даже по кругу обошла.

— Ваша правда, господин Кидревич, кучерявые только они и были, — сказала она, наконец. — Да толку-то, говорю же, дорога тут пойдет, так что не надо ничего. Сами разберемся.

Нотариус вздохнул и развел руками.

— Госпожа Гардус, наследница доставлена, я свои обязательства выполнил. Передавайте ей ключи и права и рассчитайтесь со мной. Мне еще обратно возвращаться.

Женщина вздохнула и, видимо, смирившись, повернулась ко мне.

— Ладно, пойдемте. Повезло, что сосед шерсть купил, есть чем заплатить за девицу эту. Ты, госпожа наследница, в овцах-то хоть разбираешься? — пробурчала “мисс доброжелательность”, открывая дверь.

Пожала плечами. Как ей ответить? Пока бабуля здорова была, она и сама справлялась. Потом я помогала. Так что кое-что знаю, но до нее мне далеко. Бабушка овец своих холила, говорила, что если ты к живности с душой и пониманием, она тебя сторицей вознаградит.

Шерсти у нас и правда много было, хорошей, тонкой и мягкой. Бабуля ее сама вычесывала и красила, пряла по-разному, на заказ вязала. А я этого не особо умею, я вяленые игрушки делать люблю.

Госпожа Грета с укором посмотрела на нотариуса и покачала головой, но в дом пустила. Тот только руками развел, как бы говоря: “Что было, то и доставил”.

Внутри дома было не намного лучше, чем снаружи. Когда-то он был уютным и добротным, но сейчас выглядел так, будто его забыли на долгие годы. Обивка мебели была протерта до дыр, стены выцвели, а пыль покрывала все поверхности. Ковра на полу не было, но его след все еще виднелся на полу.

Мы прошли в кабинет, там женщина села за стол, достала из ящика коробку, отперла ее ключом и торжественно выда-

ла нотариусу стопку монет. Тот пересчитал, убрал в небольшой мешочек и так же торжественно протянул ей свиток, перевязанный веревочкой с печатью.

Та его даже разворачивать не стала, сунула в стол. Потом они подписали бумагу, и нотариус поднялся.

— Погодите, господин Кидревич, — остановила я мужчину. — Мне сказали, что я тоже что-то должна подписать. Что принимаю ферму и обязанности по управлению. И еще ключи взять.

Женщина бросила на меня быстрый, недобрый взгляд и сделала вид, что перебирает бумаги на столе.

— Да, госпожа Овеласс, вы правы, я чуть не забыл самое главное, — кивнул нотариус и сел обратно. — Госпожа Грета, ну же, не тяните, передавайте полномочия новой хозяйке.

— Какая из нее хозяйка, я думала, кого достойного найдете, — ворчала женщина с явным неудовольствием, доставая из стола свиток и срывая печать. Та чуть засветилась и погасла, а женщина стала еще сердитей. — Сказала же, не нужна нам никакая наследница, все равно землю изымут в пользу короны.

— Что вы такое говорите, госпожа Грета, без согласия законной хозяйки никто ничего изъять не сможет. Надзор бдит! — нотариус поднял вверх указательный палец и добавил, кивнув мне на свиток. — Тут подпись, госпожа Овеласс, и себе его заберите. Он ваши полномочия подтверждает. Что вы теперь хозяйка фермы, овец и угодий.

— И что за долги теперь вы расплачиваться будете! — ядовитой змеей улыбнулась женщина после того, как я подписала свиток и моя подпись на нем тоже засветилась. — А если не справитесь, то в долговую яму сядете или отработывать в услужении будете.

То есть ферма не только старая, но и с долгами? И продать ее я не могу. Перевела беспомощный взгляд на мужчину.

Он пожал плечами и кивнул, словно поняв мои растерянность:

— Ну, вы уж как-нибудь тут устраивайтесь, Дженни. Не думаю, что долги тут очень большие, справитесь. За шерсть этих овец на Кливанде хорошую цену давали.

Женщина при этих словах расхохоталась.

— Да когда это было-то? Сто лет назад? Если б не обязательства перед короной, давно бы отару продали, потому что взять с этих паршивых овец нечего! А ты устраивайся, девочка, устраивайся. Чувствуй себя хозяйкой! — прокричала она и швырнула в меня связкой ключей.

Так я и вступила в свое наследство.

Пока Евгения осознает все произошедшее, я рада представить вам еще одну книгу нашего литмоба!

Сегодня это "Свадебное агентство в наследство" от Натальи Булановой

“Каждой твари по паре”, - так завещала бабуля, да-

руя мне свадебное агентство. Только не предупредила, что наследство включает себя проклятье, а иметь дело мне придется с самыми отъявленными злодеями континента.

<https://litnet.com/shrt/qzF7>

Глава 5. Первые знакомства

Госпожа Гардус со мной говорить больше не захотела, но прислала молодую девушку, которая заверила меня, что все цело в моем распоряжении.

Велиса, старшая внучка хозяйки, должна была показать хозяйство и познакомить со всеми, а заодно девушка согласилась рассказать, как обстоят дела на самом деле.

— Да что вы, госпожа Овеласс, — говорила она, строясь пыль с подола своего простого, но аккуратного платья. — Овцы дохода не приносят. Мы, когда узнали, что тут дорога планируется, обрадовались. Шерсть уже не та, вырученных денег только на прокорм хватает. А случись что, приходится в долги влезать. Бабуля надеется, что если Корона земли выкупит, то и обязательства по поставкам шерсти закроет.

— А что за обязательства? — спросила я, пытаюсь вытащить из своих кудрявых волос сено и одновременно вытереть ноги от навоза, в который я наступила.

Велиса первым делом потащила меня в овчарню, а там как раз на сеновал сено закидывали. Часть просыпали на меня, и оно тут же запуталось в волосах, потому заплести их перед приходом сюда я не успела, да и господин Кидревич сказал, что с распущенными будет лучше. Мол, примут охотнее.

Охотнее, да, что и сказать...

В итоге, когда мы вышли с овчарни, то я была похожа на

плохо пахнущее огородное чучело из соломы. А еще это сено ужасно колосось и заставляло чесаться. Пришлось укрыться за сараями, чтобы хоть как-то привести себя в божеский вид, потому что душа тут не было, воду для мытья грели только вечером, но можно было ополоснуться в колодце или реке, что мне совсем не подходило.

— Владельцы фермы обязаны поставлять на королевский двор 50 булов шерсти-сырца каждый год, отказаться нельзя. Да только королевский двор за нее платит очень мало, так что даже в убыток выходит. Этот контракт через год закрывается, но если землю изымут, может, и сейчас разорвать получится, — пояснила девушка, вручая мне ведро и тряпку и помогая расшнуровать платье.

Прикинула, сколько это 50 булов. Дома шерсть меряли в килограммах, а тут сырец измеряли объемом, бул — мешок с квадратным дном, который надо было набивать достаточно плотно. Они были увесистые, килограмм двадцать-тридцать, не меньше, то есть шерсть там не с одной овцы, а штук с пяти-шести, а если они тонкорунные, то и с десяти.

Выходило, что большую часть шерсти мы отдаем себе в убыток. Просто отлично! Снова я помянула тихим незлым словом нотариуса, который все это устроил.

— Вот, господин Атертон, это госпожа Овеласс, хозяйка угодий. — В уголок между сараями, в который мы с Велисой спрятались, вторглась Грета. В ее голосе слышалось что-то вроде насмешки, но она не пыталась извиняться, а явно была

довольна увиденным.

Еще бы, картина открылась презабавная на ее взгляд — новая хозяйка в приспущенном платье пытается от сена отряхнуться, а Велиса ей собранные в хвост волосы над головой держит.

И ладно бы она одна это увидела. Но с ней был молодой мужчина в костюме для верховой езды, который выглядел так, словно только что сошел с картинки в модном журнале. Я только и успела платье повыше подтянуть, и то не уверена, что успела.

— Это Рикс Атертон, поверенный Короны, он хочет выкупить землю под строительство рельсовой дороги, — представила мужчину старуха и, не дожидаясь моего ответа, хмыкнула, развернулась и ушла, оставив нас с незнакомцем.

— Здравствуйте, — неловко промямлила я, — а мы могли бы поговорить в другом месте?

— Конечно, — сказал щеголь, оглядев меня с головы до ног с легким презрением, так, что я залилась краской. — Только поторопитесь, у меня мало времени. Подожду вас в доме.

Поверенный развернулся и ушел, а я со злостью стукнула кулаком в стену сарая. Доска скрипнула и провалилась внутрь, подняв облако пыли.

В образовавшуюся щель высунулся еще один мужчина. На этот раз не такой лощеный, а порядком припыленный. Мы уставились друг на друга.

— Так вот ты какая, новая хозяйка, — оглядел он меня с головы до ног оценивающе и смачно сплюнул под ноги. — Ладно, уговорила, женюсь на тебе!

— Ах ты скотина бессовестная! Подглядывал! — отмерла Велиса, схватила мокрую тряпку из моих рук и попыталась отлупить мужика.

Тот заржал и спрятался внутри сарая.

— Козел блудливый! — припечатала Велиса, тяжело дыша. — Это дядька мой двоюродный, вы держитесь от него подальше, госпожа Дженни. Он скотина редкая. Из-за него у нас долги, он ферму в карты проиграл.

Велиса стояла раскрасневшаяся, с тряпкой в руке, не поднимая глаз. Ведро с водой, которое она держала, опрокинулось, и вода разлилась у моих ног, усилив запах навоза, а мне хотелось одновременно плакать и смеяться.

Как же чудесно вы меня встречаете новый мир и моя новая жизнь!

Проиграть чужую ферму в карты! Как это вообще возможно, а?

— Госпожа Овеласс, я подготовил для вас предложение, — сказал поверенный короны, доставая из портфеля документы. — У меня мало времени, я хочу закончить все как можно скорее. Итак, планируется строительство рельсовой дороги до Сторкмонда. Мы рассчитали оптимальный по затратам путь, и он пройдет по вашим землям. Корона и ком-

пания «Райлслайн» готовы выкупить у вас уголья полностью либо частично, предложив компенсацию за то, что некоторое время здесь будут вестись строительные работы. Прошу вас ознакомиться с расценками и выбрать приемлемый для себя вариант.

Он осмотрелся по сторонам, прикидывая, куда присесть. Его взгляд скользнул по кабинету, который выглядел так, словно в мое отсутствие кто-то устроил тут обыск и погром. Книжки с полок были сброшены на пол, ящики стола выдвинуты, а бумаги разбросаны по всему кабинету.

Искали что-то, что не нашли за столько лет? Или, наоборот, прятали от моих глаз? Как бы то ни было, но я опять стояла и краснела перед мужчиной за то, где и в каком виде я его принимаю.

Мне выделили комнату в доме, я зашла туда переодеться, но вот досада, саквояжа, с которым я прибыла, там не было. Грета Гардус в свойственной ей бесцеремонной манере напомнила, что я, чай, не к свиданию готовлюсь и что меня давно ждут внизу. Пришлась переодеться в чье-то старое платье и наскоро скрутив волосы в узел, спускаться к повешенному.

— Простите, — сказала я, чувствуя, как щеки заливают румянец. — Здесь немного беспорядок. Давайте, я посмотрю бумаги.

Он протянул мне несколько листов и продолжил:

— Я вижу, что деньги вам нужны. Вы девушка симпатич-

ная, — он быстро оглядел меня с головы до ног. — А ферма, овцы... Не ваше оно. С деньгами приведете себя в порядок и сможете найти достойного мужа. И не будете предлагать себя первому встречному.

Я почувствовала, как внутри меня закипает гнев. Этот человек не знал меня, но уже делал такие предположения. Я сжала кулаки и шагнула вперед, чтобы взять документы, но он отшатнулся, словно я была ядовитой змеей.

— И госпожа Овеласс, решайте поскорее, — добавил он, положив бумаги на стол. — Я приду завтра за вашим положительным ответом.

Он развернулся и вышел из кабинета, оставив меня стоять в оцепенении. Это что сейчас было? Это он думает, что я специально его за сараями раздетая встречала? И что значит “ферма — не мое”?

Я посмотрела на оставленные документы, и поняла, что даже заглядывать в них не хочу. Мне бы сначала разобраться с тем хаосом, который творится вокруг.

И начать с кабинета.

Еще одна история нашего моба -

"Волшебный ресторан для попаданки" от Юлии Шахрай

<https://litnet.com/shrt/Wc36>

Глава 6. Я - Хозяйка!

— Хорошо, что Корона у нас землю хочет выкупить, тогда они и обязательства отменяют. А с деньгами можно и в городе устроиться. Много они предлагают? — спросила Велиса. Девушка, скорее всего, караулила и подслушивала под дверью и вошла, стоило поверенному уйти. — Вроде не должны обидеть. Овечек только жалко, придется их соседу продать, а он настоящей цены не даст.

— Это почему же? — спросила я, убирая бумаги в найденную в столе папку. Потом все же посмотрю без посторонних глаз.

— Так сосед все ждал, когда ферму на торги выставят за долги и тогда собирался ее выкупить. Это он в трактире проболтался, у меня там подруга работает подавальщицей, она сказала. А сейчас господин Жромт смекнет, что деваться нам некуда, живность под нож или ему, и гроши предложит.

Я об этом не думала. Я вообще никогда о деньгах не думала, они просто были и все. А тут страсти такие... И как понять, много мне денег дают или нет? Хотя какая разница, ни Грета, ни Велиса не знают, что продать ферму я не могу. Но продать — одно, а вот если на торги выставят...

Условие, что в течение года я от нее отказаться не могу, мне поставили, а про долги ни слова не сказали.

И что мне с этим делать? Неужели на самом деле меня

могут в долговую яму посадить?

Это же варварство!

Остаток дня я потратила на уборку в кабинете. Чтобы вникнуть в дела, надо разобраться с документами и счетами. А делать это, сидя в бардаке, пыли и грязи, совершенно невозможно.

Мы с Велисой вытряхивали шторы, разбирали вещи, мыли полы и окна и постепенно я вытянула из девушки историю моего появления здесь.

До этого я знала, что ферма когда-то принадлежала семье Овеласс, но потом последняя владелица переуступила права на пользование хозяйством соседям. В причины господин Кронс вдаваться не стал, сказал, что потом все узнаю сама.

Велиса рассказала чуть больше.

Соседи объединили земли, начали хозяйничать и первое время все было неплохо. Часть шерсти они поставляли по договору Короне, остальную шерсть продавали, с этого и жили. Но потом все пошло на спад. Появился сосед, который стал разводить овец и коз. У него хоть шерсть была грубее, зато дешевле.

Кроме того, наши овцы стали давать меньше шерсти и по качеству она стала хуже. Соответственно, и цена на нее упала. Содержание овец стало не так выгодно.

Тогда Гардисы продали часть отары и принялись ждать, когда истечет срок договора с Короной. Грета Гардис виде-

ла корень зла в том, что приходится отдавать государству шерсть за бесценок. Денег не хватало и постепенно стали появляться долги.

А потом Ларсон Стич, племянник Греты, проиграл ферму в карты. Дело там темное, но он поставил ферму на кон, заявив, что он владеет ею. Ферма до этого имела хорошую репутацию, никто не знал, что происходит тут на самом деле.

Он проиграл, господа пришли за имуществом, увидели все тоже самое, что я, и попросили отдать долг деньгами. При этом ферму оценили в меньшую сумму, чем долг, а еще выяснили, что она неотчуждаемая без законных владельцев. Но Ларсон заверил, что уже ведутся переговоры с компанией “Райлслайн” по выкупу земли и как только он получит деньги, рассчитается.

Компания была известна тем, что на выплаты не скупится, мужчине поверили и до времени оставили его в покое.

А он убедил тетку обратиться в контору нотариуса для розыска наследников. Для чего? Для того, чтобы списать на них долги. Она в любом случае ничего не теряла. Выкупили бы ферму строители — Гардусы получили бы компенсацию за то, что лишилась дохода. Выставили бы на торги — крайними оказались бы наследники.

Все так просто и так банально. И вот меня нашли. А я согласилась принять наследство и оказалась в ответе за все происходящее. Потому что в этом мире есть магия и некоторые обязательства передаются по крови. В частности — со-

держат этих самых овец еще год.

С остальными членами этой милой семьи я познакомилась за ужином.

Грета лично явилась за мной в кабинет:

— Ужин в восемь, — произнесла она холодным, металлическим голосом. — И кто на него не явился, тот остается голодным. Возможно, кто-то считает себя особенным, но правила у нас едины для всех. Ждать вас никто не будет. — Она развернулась и направилась к двери, но вдруг остановилась и добавила: — Велиса, это тебя касается в первую очередь.

— Ой, простите, бабушка, — пробормотала Велиса, поправляя свои растрепанные волосы. — Я забыла. Мы идем.

И она потащила меня на ужин как есть — растрепанную, неумытую, в старом и порядком изгвазданном платье.

Столовая оказалась просторной, но мрачной комнатой, где за большим деревянным столом, накрытым грубой скатертью, собралось все семейство Гардусов.

Кормили тут просто — сыр, картошка, яйца, хлеб. Разносолов я не ожидала, да и вообще о еде забыла, обошлась тем, что Велиса в кабинет принесла хлеба с молоком. Но в исполнении госпожи Гардус так важно прозвучало «ужин», на который нельзя опаздывать, что я ждала чего-то большего. Грета представила меня, после чего начала как ни в чем не бывало вести беседу, будто бы меня тут и нет.

Впрочем также нелюбезна она была со всеми взрослыми

домочадцами. Насчет детей не знаю, они ели отдельно, а с нами за столом были ее сыновья — Горис и Прокл. Оба хмурые, нелюдимые, заросшие бородами. жуткие типы, одним словом. Мысленно обозначила их как Горе и Проклятие.

Их жены тоже были похожи между собой и рядом со своими мужьями казались серыми и незаметными. За ужином они односложно соглашались с Гретой и лишний раз не поднимали глаз. Велиса была старшей дочерью Прокла от первого брака.

Слуг в этом доме не было, на сезонные работы, такие как заготовка сена или стрижка овец, нанимали проходящих работников, а все остальное домочадцы делали сами.

Еще была младшая сестра Греты, немолодая женщина с уставшим лицом и потухшими глазами. Ее дочь, ровесница Велисы, по имени Сания, сидела рядом с ней. У Сании был грудной ребенок, поэтому она торопилась доесть побыстрее, словно боялась, что он заплачет. Или это оттого, что ей не хотелось слушать упреки Греты в том, что та живет у них на всем готовом, недостаточно много работает и еще и «принесла в подоле». Сестра Греты за дочь так ни разу не заступилась, словно та была для нее обузой.

Но самым неприятным типом оказался Ларсон Стич, сын сводного брата Греты. Что он тут забыл, я так и не смогла понять. Мужчина был язвительный, он насмеялся над всеми и постоянно прикладывался к бутылке. Но самым неприятным типом оказался Ларсон Стич, сын сводного брата Греты. Его

глаза блестели от алкоголя, а улыбка была сальной и неприятной. Мне он подмигивал и скабрёзно улыбался, словно намекая на что-то, от чего у меня внутри все сжималось от отвращения.

Мне было сложно понять и принять такие отношения. Я была единственным ребенком в семье и на меня за девятнадцать лет родители даже голос никогда не повысили. Они всегда были нежными и заботливыми, и я считала себя самой счастливой девочкой на свете. Впрочем, у них и повода не было, я всегда была беспроblemной, тихой и послушной девочкой.

А сейчас я сидела за столом с чужими людьми и чувствовала себя, как в кошмаре.

Гардусы жили тут много лет, занимались фермой и овцами и знали об этом все. А потом им потребовались наследники, и появилась я.

Я не была им родной, и это было очевидно, слишком сильно я от них отличалась даже внешне. Они все были крепкие, темноволосые и темноглазые. Даже женщины, которые рядом с мужьями казались невзрачными, рядом со мной выделялись формами. Я была среди них, как белая ворона. Невысокая, худощавая, с длинными светло-русыми выющимися волосами и ярко-голубыми глазами.

Я была тут как бельмо на глазу, лишней и никому не нужной. И Грета не стеснялась подчеркнуть, что считает меня нахлебницей и дармоедкой.

Я слушала и молчала. Жалела, что согласилась принять это дурацкое наследство, но помня об обещании Уполномоченного, что я встречу с бабулей, сжимала зубы и терпела.

Только в конце, когда Грета заявила, что я должна выбить за ферму цену повыше, сказала, что сначала должна посоветоваться с нотариусом. И спросила, как к нему попасть.

— Прием у поверенного денег стоит, — заявила она. — А ты еще ни гроша не заработала.

— Вы правы, Грета. Зато вы все это время зарабатывали на моей земле. Непонятно только, откуда взялись долги и как вы умудрились все здесь развалить. Пока я расцениваю это, как умышленное причинение вреда имуществу.

— Что? Ты меня в чем-то обвиняешь, девчонка? Явилась тут, наследница, понимаешь! Да кому ты вообще тут нужна?! — разразилась бранью старуха.

Я вышла из-за стола и ушла. Грета кричала мне гадости вслед, а я сцепила зубы, потому что если бы раскрыла рот, то боюсь, что у меня случилась бы истерика.

Я пошла в загон с овцами, чтобы успокоиться и набаться храбрости, чтобы поставить бывшую хозяйку на место.

Ну или хотя бы сообщить, что ферму продавать мы не будем. Хотят — пусть работают, ну а нет, как говорила бабушка — скатертью дорога. Хотя если они уйдут, я одна, без поддержки близких, не справлюсь...

— И что мне делать? — спросила я ягненка, что затих рядом со мной. — Давай хоть покормлю тебя, что ли. В дом

совсем не хочется возвращаться.

— Покормите, госпожа, вот тут соска есть, — из тени в углу сарая вышла чумазая девчушка лет двенадцати и протянула мне бутылку с накрученной на конце тряпкой.

— А ты почему не на ужине. Голодная же останешься, — спросила я, беря бутылку.

— Я наказана, — просто пожала плечами девочка. — А вы, госпожа?

— Я, в некотором роде, тоже.

Некоторое время мы посидели в тишине, глядя, как ягненок ест из бутылочки.

— Вы ему нравитесь, — сказала девочка. — Они чувствуют доброту. Без нее они болеют. Но никто этого не замечает.

Она протянула мне узкую ладошку:

— Я Дана, слежу за малышами, — девочка кивнула на ягнят. — Кормлю, выхаживаю. Сейчас они все больше слабенькие и больные рождаются.

— Дженни, — представилась в ответ. — Буду жить с вами. За что тебя наказали?

— За него, — Дана кивнула на ягненка, что довольный затих возле меня. — Грета его зарезать велела, я не дала.

Я не знала, что во мне может быть столько злости. Меня не так задело, что жених изменил мне в нашей же квартире, как то, что старуха хотела убить маленького беззащитного ягнёнка.

Я поднялась на ноги и отправилась в дом.

— Я запрещаю вам трогать моих овец! — громко заявила я, стоя на пороге столовой. Все, кроме Сании, продолжали ужинать, как ни в чем не бывало. — Я здесь хозяйка, и больше вы не будете распоряжаться моим имуществом. Я вам даже входить к малышам запрещаю! И ферму я продавать не собираюсь. А если кого-то это не устраивает, убирайтесь вон!!!

И второй раз я вылетела вон, на это раз от души хлопнув дверью. Плевать! Разберусь! Научусь! Поставлю ферму на ноги. И никто не посмеет тронуть моих овец. Я их законная хозяйка!

Пока Женя прибирает в кабинете и тихо офигивает от своего наследства, представляю историю, в которой героиня способна профессионально решить некоторые проблемы. В частности с уборкой))

"Ведьма на час, или Клининг от попадания" от автора Азалия Фэйворд

<https://litnet.com/shrt/qvU7>

Глава 7. Пастушка и ...

Ночь я провела в овчарне вместе с Даной и ягнятами.

Девочка оказалась дочерью Гориса, но не родной, приемной. Он взял за себя женщину с ребенком, скорее всего предполагая, что так у него появятся сразу две работницы.

Сначала девочка была нянькой детям, но поскольку родной она не была, то ее постоянно наказывали за все провинности, и она много времени проводила здесь. Грета заметила, что у девочки хорошо получается выхаживать больных овец и слабых ягнят, и за ней закрепили эти обязанности. Впрочем, от того, чтобы присматривать за остальными детьми, ее это не освободило.

Дана была уверена, что все хвори можно вылечить добрым отношением и заботой, но ее никто не воспринимал всерьез и с ней не считались. Девочка каждый раз очень болезненно переживала расставание с подопечными, но противопоставить ничего не могла. Сегодня она не дала зарезать ягненка, но понимала, что за ним придут завтра.

— Не переживай, мы чтонибудь придумаем, — пообещала я, укладываясь спать. Дана часто ночевала в овчарне, и тут у нее были припрятаны пара старых одеял, которыми она с охотой поделилась. — Теперь я тут хозяйка и постараюсь защитить вас. Никого сюда не пустим. Ни видеть, ни слышать тут никого из Гардусов не хочу.

На всякий случай мы забаррикадировали и подперли дверь, и немного поболтав, заснули. Ночь прошла спокойно и, несмотря на то, что спать в сарае на сене мне не доводилось, я отлично выпалась. Позавтракали мы там же, хлебом и свежим молоком, которые принесла Дана, и хоть мне нравилось сидеть в овчарне и тетешкать доверчивых ягнят, но и овец надо было выпустить на улицу, и мне выйти на свет. Негоже хозяйке по углам прятаться.

— Ты девка, не глупи, — сказала Грета, стоило мне войти в дом. — То, что ты тут хозяйка, вилами по воде писано. Ферма вот-вот с молотка уйдет. Так что соглашайся на изъятие земли и проси побольше. Но не зарывайся, а то передумают дорогу через наши угодья вести и вообще ни с чем останемся. А работе нашей не мешай, мы свое дело знаем. Коли хозяйкой себя возомнила, так иди, поработай. Корову хоть подои, — насмешливо закончила она.

Я не ждала, конечно, извинений от старухи, но ее слова разозлили.

— Коров доят доярки, готовят кухарки, в доме убирается прислуга, — сказала я. — А я собственница имущества. И моя задача — сохранить и приумножить его. То есть сделать то, с чем вы не справились. Так что давайте коровам хвосты крутить будет тот, кто ни на что больше не способен.

— А ты у нас способная, видимо? Ну так давай, на покушать себе денег-то заработай. А то кормлю тебя пока я, — заявила старуха и направилась к выходу.

— Тут еще вопрос, кто кого кормит, — пробормотала я, глядя ей в спину.

Но в чем-то она безусловно была права. Если я объявила себя хозяйкой, то надо брать дело в свои руки и с чего-то начинать. Чем они тут занимаются, шерстью торгуют? Значит надо ехать в город и выяснить, что почем. Газет опять же купить, чтобы понять, что в мире делается. Нотариуса озадачить про долги все выяснить или найти другого человека, который ситуацию с проигранной фермой прояснит и с нашими денежно-имущественными отношениями разберется.

А пока получается, что ферма моя, а я кроме того, что с аренды денег не имею, так еще и должна за то, что тут живу. Как-то это совсем не правильно с одной стороны. А с другой — выясняется, что у меня тут ничего своего и нет, платье и то с чужого плеча. Ни дать, ни взять — бедная родственница.

Хотя не совсем так, конечно. У Даны в ее “ягнетнике” оказалась и теплая вода, и изношенные, но чистые отрезы ткани, так что я даже помыться сумела. Оставалось только разыскать мой саквояж, все же в нем не только одежда, но и вещи с Земли, точнее шкатулка с украшениями. Ничего особенного, бижутерия в основном, но и золото есть. За него можно денег выручить, раз уж мне в собственном доме за постой платить приходится.

Дойти до выделенной мне комнаты не успела.

Сначала меня чуть не сбила с ног ватага ребятишек, с криком и улюлюканьем бегущая по дому. Потом я столкнулась

с Санией, племянницей Греты. Женщина тащила корзину с ребенком и огромную стопку белья, за которой меня просто не заметила. Помогла ей донести белье до закутка за печкой, где она собралась его гладить.

На выходе в меня врезалась жена кого-то из сыновей Греты. Она тащила ведро воды и обернулась, чтобы прикрикнуть на детей, которые опять неслись мимо на этот раз с палками. Итог — я еще и мокрая.

Пошла наверх, но на лестнице меня перехватил Ларсон Стич. Сам он был при параде, явно куда-то собрался. Меня оглядел пристально и оценивающе.

— А ты ниче так, симпатичная. Ишь какая кучерявая, — мужчина попытался коснуться волос.

Я увернулась и оттолкнула его руку.

— Что, норовистая, кобылка? Да не рыпайся, никуда ты от меня не денешься. Я на тебе женюсь. Вечером скажем всем, что любовь у нас и все дела, — деловито заявил он и, окинув меня сальным взглядом, насвистывая, пошел вниз по лестнице.

Надо проверить, в комнате, которую мне выделили, замок-то хоть есть? И подсвечник попросить. Тяжелый какой-нибудь...

Подумала о том, что комнату мне тоже еще прибирать придется, потому что грязь там жуткая и горестно застонала вслух.

— Госпожа Овеласс, что-то случилось? Вам плохо? — вы-

нырнула откуда-то Велиса. — Воды? Лекаря?

Интересно, в этом доме вообще возможно одной побыть?

— Нет, Велиса, со мной все в порядке. Мне бы переодеться только, саквояж мой не видела? — спросила.

— Нет, госпожа, может ребяшня куда утащила? Я спрошу, но от них ответа не добиться, — сказала девушка, косясь на меня и пристраиваясь рядом.

— Угу, и кабинет вчера видимо, детвора разнесла, — про- бурчала я.

— Так вы же сами его не заперли, когда ушли. Так что да, и они могли, — сказала Велиса. — Им только дай волю, тут же набезобразничают.

— Ну так займите их чем-нибудь! — в сердцах сказала я. — Вон, хоть овец пасти помогать отправьте. Что они по двору ходят? Лугов нет?

— Есть, — ответила девушка. — Так пасти их там некому.

— И чем же все заняты? — спросила с раздражением, стягивая мокрое платье.

— Да разным, кто в огороде работает, кто по дому, кто сено косит. Без дела никто не сидит.

— Значит, пасти овец предлагается мне. Отлично, так и поступлю. Но сначала съезжу в город, — ответила, отряхивая от сена вчерашнее платье, потому что другого не было. И верните мне саквояж, пока я не заявила о краже.

— В город не получится поехать, госпожа. Лошадь Ларсон забрал только что, — Велиса указала за окно.

Выглянула. Точно, разряженный мужчина выезжал за ворота. Изумительно! То есть мне отсюда еще и не выбраться, я на собственной ферме, как в тюрьме.

— Тогда я отправляюсь пасти овец, им нужна нормальная зелень. И забираю Дану с собой! Попроси собрать нам обед, — сказала я.

— Как это забираете? А кто тогда за ребятней смотреть будет? — Велиса не тронулась с места.

— А вот это меня совершенно не волнует. Найдите им дело, чтобы они не громили мое имущество. Заниматься посадите, книжки пусть читают, — предложила я.

— Так они не умеют! — не сдавалась Велиса.

— Так научите! — снова начала злиться я. Находиться в этом доме было невыносимо и мне хотелось как можно скорее покинуть его. — И чтоб без меня ни одну овцу, ни одного ягненка не трогали! Я их золотом по весу оценю, случись что.

Отодвинула с дороги слегка опешившую Велису и поспешила прочь. Хотелось воздуха и простора, оставаться внутри было невыносимо.

“И как мне продержаться год?” — думала, закрывая уши от воинственных криков детворы и их мамаш.

— Сюда раньше выводили овец пастись, — рассказывала Дана. — Там ручей чистый, в том перелеске спрятаться от солнца можно, и трава хорошая сочная. Только кочек мно-

го, косить неудобно, поэтому никого нет и вы одна будете. Справитесь ли, госпожа?

— В перелеске волков нет? Или кабанов? — спросила я на всякий случай.

— Да что вы, госпожа, — рассмеялась девочка. — Там три осинки, его же насквозь видно! Вы главное, за ручей не переходите, там соседские владения начинаются. А я днем прибегу, проведу вас. Просто ягнята слабенькие еще, с соски кормить надо, не оставить без пригляду. И вот еще, наденьте-ка! — инструктировала меня Дана, протягивая косынку. — Чтоб солнце не напекло. Как в зенит станет, в перелесок идите. Овечки хоть и стриженные, да все равно жарко им. И вы светленькая такая, сгорите в миг.

— Хорошо, Дана, я справлюсь. Ступай уже. Я вот и работу взяла с собой, скучать не буду, — махнула я рукой на котомку, что девочка собрала мне с собой.

После того, как я покинула шумный дом, я нашла Дану в овечьих яслях. Не в смысле кормушки, а где ягнята были собраны под надзор девочки. Позвала ее с собой пасти овец. Но Дана отказалась, сказала, что не может отлучиться надолго. Зато нашла мне котомку, собрала еды и вызвалась проводить и показать хорошее место. Пока ждала ее, я нашла в сарае чесалки для шерсти и сложила с собой. Одной скучно весь день сидеть, так что можно немножко шерсти вычесать, чтобы свалять потом игрушку для девочки. Она не ребенок, но хотелось сделать ей приятное в знак благодарности. Так

что по дороге залезла в булы с шерстью и набрала ее.

Дана, если и удивилась, то ничего не сказала. Потом организовала пару ребятишек перегнуть отару, привела нас сюда и, еще раз наказав на солнце долго не быть, убежала вместе с пацанятами, пока те не полезли в ручей.

Я достала шерсть, разложила, рассмотрела. Неудивительно, что ферма в убыток работает. Если они так ее продают, то кто нормальную цену даст? И волглая, и пахнет и даже крупный мусор из нее не убрали. Принялась вытаскивать веточки, сухие стебли и откровенную грязь. Перебрала все и начала чесать. И удивительное дело, шерсть после этого совсем другая стала — мягкая, шелковистая и серебром будто отдает.

Или мне кажется?

Подняла немного, чтобы на солнце на просвет посмотреть и залюбовалась. Сколько я с шерстью работала, и простой, и мериновой, но такой красоты и нежности в руках не держала.

— Эй, дамочка! — вырвал из любования грубый голос. — Ты чего это тут уселась? Не видишь, что твои овцы на мою сторону собрались? Давай, забирай их от ручья.

Поднялась, подошла, посмотрела. Овечки мои воду пьют, никого не трогают, никуда не собираются. А на той стороне ручья, точнее даже небольшой речушки, какие обычно бывают в гористых местностях после дождей, стоит мужчина в рубахе с закатанными рукавами и, уперев руки в бока, смот-

рит на меня недовольно.

— Вы уважаемый, ошибаетесь, они только попить воды подошли. Речка-то не ваша личная. Попьют и уйдут, — сказала я.

— С чего это ты взяла, что не моя? Ручей на моей земле начало берет, так что очень даже моя! Давай забирай скотину свою. Или пусть хозяйка ваша платит за пользование водой. Потому что нечего Грете честных людей обманывать!

— Грета вообще-то не хозяйка больше, — ляпнула я, потерявшись от такой наглости.

Нет, вы слышали? Ручей у него на земле начинается, значит вода его. Это не мир, это дурдом сплошной. Не удивлюсь, если они и воздух скоро делить начнут.

Взяла хворостину и стала отгонять овец от воды. Пока с шерстью возилась, солнце высоко поднялось, так что пора и в тенек уйти. А то вон, некоторым уже напекло голову.

— Эй, погоди! — окликнул меня мужчина. — Что ты там про Грету говорила? Если не она хозяйка, то кто же?

— Никто! — буркнула я, решив, что с таким грубым типом не стоит вести беседы.

Мужчина не двигался с места, наблюдая, как я отгоняю овец от водопоя, и я решила, что наш спор закончен. Но тут раздался топот копыт и со стороны соседа к ручью подъехал господин королевский поверенный.

— Господин Жромт, мне сказали, что вы тут. Вы рассмотрели мое предложение? — обратился мужчина к соседу, лов-

ко соскакивая с коня. Потом увидел и меня. — Госпожа Овеласс, и вы тут? Вы приняли какое-то решение?

Я не то что не приняла, я его даже не смотрела. Как бумаги убрала в папку и спрятала в стол, так и не прикасалась к ней. Даже не уверена, что она еще на месте.

Но от ответа меня освободил сосед:

— Овеласс? Это что ж, настоящая хозяйка вернулась что ли? Это ж совсем другое дело! Эй, госпожа Овеласс, вы мне деньги за шерсть свою негодную когда вернете? Я через нее убытки понес, так что с вас возмещение причитается! — крикнул он мне.

— После дождика в четверг, — процелида сквозь зубы я. А вслух сказала: — Я не понимаю о чем речь, но если вас что-то не устраивает, то можете вернуть товар.

— А я верну, еще как верну! — с угрозой заявил сосед. — Вот прямо сегодня и приеду к вам.

— Буду ждать, — под внимательными взглядами мужчин я поспешила прочь.

Вот что этого поверенного так не вовремя принесло? А сосед-то обрадовался как! Сейчас заявит, что семья Овеласс должна ему, как говорила бабуля, как земля колхозу. И попробуй докажи обратное. Нет, надо все-таки на консультацию к нотариусу съездить. А пока домашних предупредить, что, кажется, у нас проблемы.

Еще одна книга нашего моба - Лавка зачарованных цве-

пов "Аромат любви" от автора Полина Краншевская
<https://litnet.com/shrt/gCUI>

Глава 8. Первый скандал

— На каком основании вы распоряжаетесь моим имуществом? — спросила я, остановившись во дворе дома.

Умиротворение слетало с меня, как последние листья с деревьев под порывом ветра. Я негодовала в душе от того, что ничего не могу противопоставить самоуправству бывшей хозяйки.

— Ее имущество, вы гляньте-ка! А где ты была, наследница, когда я за этими овцами ходила, кормила, выхаживала? Явилась на все готовое, еще и права качает! Сама не можешь ничего решить, так сиди и помалкивай, бездельница. Ишь, на лужок она сбегала, овец пасти, лишь бы не работать! — напустилась на меня старуха.

— Грета, вы совсем не понимаете, что делаете? Вы не просто овец отдали, вы тех овец отдали, что ягнят кормят и поэтому дома остались. Вы прямой умышленный вред ферме нанесли! Могли сказать, что нет хозяйки и попросить господина Жромта подождать меня или прийти позже, — я отодвинула старуху и пошла в дом, сил спорить и что-то доказывать не было. Как же я уже ненавижу эту семейку! И прогнать не могу, одна я со всем хозяйством просто не справлюсь.

Проблемы в виде недружелюбного соседа не заставили себя ждать.

Он явился в этот же день, привез пять булов шерсти, за-

явил, что она испорчена, а он из-за этого понес убытки, и забрал в качестве компенсации трех овец, которые остались дома и паслись во дворе.

Вообще-то он хотел пять ягнят, и старуха на это согласилась. Но Дана убежала ко мне и заперла ягнятник, а без нее никто войти в туда не смог.

Я обо всем этом узнала вечером, когда вернулась домой с пастбища.

За это время я вычесала всю шерсть, пообщалась с овечками, они оказались очень дружелюбными и, стоило мне угостить одну кусочком хлеба, стали толпиться около меня и даже улеглись так, что я осталась в середине стада. Еще я погрустила о своей судьбе, посетовала на то, какие вокруг все злые и только овечки хорошие и меня понимают. Пообещала, что не дам их в обиду и сохраню ферму, пожаловалась, что у меня украли саквояж, повозмушалась ненадлежащим воспитанием детей и посочувствовала Сании, которой приходится с ребенком на руках работать по дому.

В общем, я выговорились, надышалась свежим воздухом и нагладилась овец. На ощупь, кстати, они оказались изумительными — теплыми, мягкими и бархатистыми.

Вернулась домой спокойная и умиротворенная.

А там новость про соседа, забравшего овец. Ну, я и психанула немножко:

— Я запрещаю вам принимать решения относительно фермы, отдавать овец, распоряжаться имуществом и шер-

стью. Вы просто наемные работники, которые почему-то еще и живут в моем доме! Я думаю, что в ближайшее время мы заключим договор о найме и договор аренды, сразу после того, как я навещу нотариуса. И лошадь брать без моего разрешения я тоже запрещаю. В противном случае, заявлю о краже. И кстати, если кто-то думает, что дело с саквояжем удастся списать на шалости детей, то зря. Я все помню и просто так этого не оставлю.

Уф, все, выдохнула! Никогда в жизни я такой длинной речи не говорила. Внутри меня трясло от волнения и злости, которая требовала выхода, и я прошла по дому и закрыла все помещения, к которым смогла подобрать ключи. А вот так. Я тут хозяйка и пусть попробуют со мной не считаться!

Потом пришла к себе в комнату, по прежнему грязную и неудобную, и поняла, что не хочу в ней оставаться. А еще испугалась.

Раскомандоваться-то я раскомандовалась, а о последствиях не подумала. Если старуха хочет за ферму компенсацию получить, то ей наследница не особо и нужна. А если они меня ночью прибьют по-тихому? Хлипкая щеколда вряд ли кого то задержит.

Пока стояла и думала, в дверь робко постучались. Открыла, на всякий случай сжав покрепче подсвечник.

— Госпожа Овеласс, — на пороге, опустив глаза, мялась Велиса. — Вот, мы нашли ваши вещи, — она протянула мне саквояж.

— Спасибо Велиса, — сказала я, забирая его. На девушку я не обижалась, мне казалось, что она и правда пытается мне помочь, но говорить с ней сейчас не хотела. Однако она не уходила.

— И еще Грета сказала, что не будет вас кормить ужином, что вы наказаны, госпожа, — покраснела Велиса, окончательно смутившись.

Чудесно! То есть меня в моем же доме какая-то посторонняя женщина наказать решила. Это уже всякие границы переходит. Все, решено, еду в город сегодня же!

— Я поняла, Велиса, благодарю, что сообщила, и за саквояж. Кстати, Ларсон вернулся?

— Еще нет, госпожа Дженни.

— Жаль. Сообщи мне, как только он появится.

Я закрыла дверь с намерением переодеться и рвануть в город на своих двоих. Потом поняла, что неплохо было бы смыть с себя пот и пыль и навестить ягнят, которые остались без мамок и, прихватив одеяло, подушку и свои вещи, отправилась в ягнятник к Дане.

Девочка была там. Она кормила одного из малышей, а свободной рукой то гладила второго, то утирала слезы.

— Дана, не плачь, пожалуйста! — мое сердце разрывалось от жалости и я обняла девочку. — Мы справимся. И мам им вернем. Я поеду в город и узнаю, как это сделать. В конце концов, просто выкупим их обратно.

— Грета денег не даст, да и сосед не захочет продавать. Он

все надеется, что у него шерсть такая же, как у нас раньше была, получится, — всхлипывала девочка.

— Деньги мы найдем, — заверила я ее. — У меня немного украшений есть, продам. Надо только глянуть, не украли ли их. А то кто-то же мой саквояж брал!

— Это Грета, — призналась девочка. — Чтобы его дядя Ларсон не стащил. У нее комната запирается и в ней охранный артефакт есть.

Угу, защитить хотела, так я и поверила. Мне нотариус на Земле говорил, что сумка непростая и чужой в нее не влезет. Я не верила тогда, хоть господин Кидревич и пытался на примере своей помощницы мне это продемонстрировать. Я же их мошенниками считала...

А настоящие мошенники тут окопались! Но ничего, я на них найду управу. Попытаюсь, во всяком случае.

Открыла саквояж, проверить, все на месте.

Я спрашивала на Земле про шерсть, и нотариус с помощницей мне ее положили с собой. Также белье местное и сменные платья, теплую накидку и обувь, разные мелочи, типа гребня для волос и мыла в баночках и еще много разного, что обычно в длительную поездку берут. Даже рассказали, что и зачем. Но кто бы их тогда слушал... Но это все внизу было, а наверху наборы с цветной шерстью.

Выложила их, чтобы добраться до шкатулки и проверить остальное.

— Ой, как красиво! — увидела разноцветные косицы де-

вочка. — Как вы это сделали?

— Это не я. Но наша шерсть еще лучше, посмотри-ка и сравни, — призналась и протянула девочке котомку с вычесанной мной шерстью и мотки купленной на маркетплейсе.

Сама в это время я достала шкатулку, открыла ее и тут же захлопнула обратно. Не понимаю. Я ожидала увидеть свою бижутерию, а там...

Приоткрыла снова, пока Дана увлеченно щупала, раскладывала и изучала кардачесы, и осторожно поворошила украшения пальцем.

Так, и как это понимать? Мама решила откупиться от меня, поэтому сложила в шкатулку все драгоценности, в том числе бабулины? Или она хотела их спрятать в надежде, что у меня их не найдут? У родителей неприятности? Может, и нет никакого развода? Хотелось бы...

В любом случае, сейчас я этого не узнаю, так что постараюсь сохранить, что не мое. А свое продам, будет чем нотариусу заплатить, чтобы помог мне разобраться, кто кому и сколько должен. Совсем не хочется по чужим долгам платить, даже если они мне в наследство достались. Должник-то жив, пусть сам отдает!

— Госпожа Дженни, так вы на самом деле умеете руно волшебным делать? — девочка прижимала к щекам пласты шерсти и смотрела на меня восхищенным сияющим взглядом.

Так, вот сейчас вообще не поняла, о чем речь. Какое вол-

шебное руно? Это вообще из другой истории, не очень-то и счастливой...

И снова Жене есть о чем подумать, и пока она возится с ягнятами, предлагаю заглянуть в еще одну историю нашего моба от авторского дуэта Натальи Самартцис и Марины Стариченко

"Жена некроманта: строим академию!"

<https://litnet.com/shrt/gmom>

Глава 9. У селян свои аргументы

— Только не говорите никому, но я слышала как сосед наш с дядей Ларсоном спорили. Господин Жромт уговаривал ему овец продать, а дядя Ларсон смеялся и отвечал, что тот слишком хитрый, хочет задаром волшебных овечек получить, — делилась со мной Дана, пока мы в четыре руки занимались ягнятами — кормили и чесали.

В город мне ехать было не на чем, так что я принялась помогать девочке. Дана сказала, что если овечек после кормежки расчесывать, то они лучше спят и быстрее крепнут.

— Прямо так и сказал: “волшебных”? А что они умеют? — спросила я. Вспомнилась сказка про серебряное копытце, вдруг овечки тоже могут копытами монетки выбивать? Было бы неплохо, тогда бы я быстро дела поправила.

— Ага, так и сказал. Господин Жромт возразил, что волшебства там никакого не осталось, потому что кончилось давно. И стал дразнить дядю Ларсона, что скоро нашу шерсть никто покупать не будет, а овцы облысеют. А они ведь у нас и правда тогда лысеть стали... — смутилась девочка. — Да вот, сами смотрите!

Она перевернула одного из ягнят, и я увидела проплешины на животе.

— Грета думала, что это болезнь, она лекарства покупала, и мы тут все перемывали несколько раз. Не помогло. Эти

пятна то появляются, то исчезают. Я думаю, что это порча, и навел ее господин Жромт, — поделилась со мной девочка.

— Я бы скорее предположила, что это лишай, — сказала я. — Надо соскрести несколько чешуек в этом месте, волосинки собрать и на анализ отдать.

Девочка вздохнула:

— У нас тогда совсем шерсть покупать перестанут. Грета даже перебирать ее не велела, сказала, путь так забирают, все равно ничего не выручим.

— А волшебство тут причем? — спросила.

— Дядя Ларсон тогда сказал, что он наследников найдет и все станет, как раньше, и посмотрит тогда, чью шерсть брать будут. Мол, он уверен, что Овеласс тайну знали, как шерсть магическими свойствами наделять. Вот он Грету и уговорил вас искать, — бесхитростно призналась девочка. — Наверное хотел тайну выведать. А вы получается и правда знаете, как шерсть волшебной сделать?

Она чесала ягненка, который смирно лежал у нее на коленях, а я прикидывала, что сделать из вычесанной шерсти. Хотя чего гадать, овечку и сделаю. Достала иглу и принялась сбивать комков.

Думы были нерадостные. Все в этом мире против того, чтобы у меня что-то получилось. Ферма с долгами, овцы больные или порченые, сосед ушлый, “арендаторы” себе на уме... Еще и магия какая-то, с которой не пойми что делать, и дорога, которую тут проложить хотят.

Теперь год стал казаться вечностью, а при том, что меня еще и голодом морят, то как бы мне до срока ноги не протянуть!

В хлипкую дверь нашего загончика заколотили и раздался мужской рык:

— Дана, открывай, негодная девчонка!

— Не пускай их, — попросила я.

Мне здесь было спокойно и в этом крохотном островке уюта я совсем не хотела видеть ни Горя, ни Проклятия.

Девочка улыбнулась, кивнула, положила спящего ягненка рядом, поднялась и приоткрыла дверь.

— Давай сюда ягненка того болезного, — потребовал мужчина за дверью, — Грета велела на мясо его.

У меня сердце сжалось, и я поднялась, чтобы вытолкать мужика прочь. Надо только что-то для аргументации найти...

— Не дам, дядя Прокл, госпожа Дженни не велела, — спокойно заявила девочка.

— Да ты! Смеешь бабке перечить? — заорал мужик, а я увидела большое деревянное корыто и прикинула, что оно сгодится.

— Грета мне не бабка, дядя Прокл, и здесь она не хозяйка более. Иначе бы ты сам вошел, да взял, что надо, — услышала я ответ девочки, пока вытаскивала корыто.

Мужик тем временем хотел войти, но не смог. Я как раз развернулась и увидела, как он дернулся, словно врезался во

что-то упругое и назад отлетел.

— Ну, мерзавка, погоди. Скажу отцу, всыплет тебе, как выйдешь отсюда! — заорало Проклятие. — И к столу не смей приходить, ни куска больше не получишь.

Девочка вздрогнула и опустила глаза, а у меня внутри будто пружина, что все это время сжималась, распрямилась.

Я, держа двумя руками корыто, вперед бросилась. Оно тяжелое оказалось, я его еле подняла, так что у мужика шансов не было. Прокла с ног сбила и сверху на него вместе с корытом упала.

— Слушай, гад, — прошипела сквозь зубы, — пусть только попробует кто-то ребенка обидеть, я каждого под таким корытом похороню!

И немножко на корыте подпрыгнула в порыве показать, как плохо ему будет в земле лежать. А корыто немаленькое, с полмужика размером, и оно верхним краем ему в горло уперлось, а нижним как раз туда, пониже пояса.

Прокл сначала захрипел, потом что-то замычал неразборчиво, глаза выпучил и попытался нас с орудием возмездия оттолкнуть. А я испугалась, что он как встанет, так меня и зашибет с одного удара, и попыталась прыжками его поглубже в землю вогнать.

— Кхм, — раздалось покашливание сбоку. — Какие, однако, чудные у вас развлечения. Госпожа Овеласс, простите, что отвлекаю, но не могли бы мы обсудить мое предложение?

Никогда в жизни мне не было так стыдно, как в этот мо-

мент. Я залилась краской и первым желанием было уткнуться в грудь поверженного Проклятия и спрятаться с ним под корытом.

Но Прокл как-то совсем уж дико на меня смотрел, поэтому пришлось с него слезть.

Поднялась, выпрямилась, отряхнулась. Поверенный стоял, не двигаясь, и ждал ответа.

— Знаете, господин Атертон, у вас удивительный талант каждый раз появляетесь не вовремя, — сказала я.

— Я заметил, — кивнул мужчина, наблюдая, как Прокл тоже поднимается с земли и, шипя про себя ругательства, покидает поле боя. — Не ожидал от столь хрупкой и милой на вид девушки таких изощренных издевательств. Неужели закончились аргументы для переговоров?

Первый раз в жизни мне захотелось ударить кого-то по голове. Корытом. Кажется, сельская жизнь меня испортила.

В дом по прежнему не хотелось.

— Господин Атертон, а вы опять верхом или на экипаже? — спросила мужчину с надеждой, что если он на пролетке, то может согласиться до города подбросить.

— Верхом, так быстрее, — мы стояли рядом и рассматривали на земле отпечаток Прокла. — Вы страшная женщина, госпожа Овеласс. Вы же его чуть живьем в землю не загнали. Даже не представляю, чем он мог так вас обидеть.

— Не меня, Дану. Сказал, что велит отцу наказать ее, за

то, что не дала зарезать овцу. А девочка всего лишь защищала мое имущество, — мы вместе наклонились, чтобы поднять корыто, и чуть не столкнулись лбами.

Я отпрянула, поверенный извинился, но полезный инвентарь не отдал.

— В сарай надо прибрать, — сказала я, распахивая мужчине пошире дверь. — Пригодится еще.

— Убийство это наказуемое деяние, — поучительно заметил господин Атертон, входя в ягнятник. Огляделся и прислонил корыто к стене. — Так где мы можем обсудить условия уступки угодий?

Он стоял, озирался по сторонам и на лице его такое выражение появилось... Брезгливости и пренебрежения. А мне тут нравилось. Было заметно, что Дана внутри с любовью все обустроила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.